

КОДИФИКАЦИЯ
КАК СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ
Рецензия на книгу: Csaba Varga. Codification
as a socio-historical phenomenon. 2nd ed. Budapest:
Szent Istvan Tarsulat, 2011. 431 p.

В данной работе исследованы ключевые идеи, тезисы, схемы, приведенные в посвященной вопросам кодификации монографии венгерского мыслителя Чабы Варги. Профессор Варга обращает особое внимание на взаимообусловленность кодификационных проектов и той социально-культурной среды, в которой эти проекты формулируются и реализуются. Схожесть и даже аналогичность техник классификации нормативно-правового материала еще не гарантируют одинаковых результатов, которые складываются из множества переменных. В работе Ч. Варги изучается взаимосвязь этих переменных величин, причем особое внимание уделяется анализу тех идеалов, которые пытаются реализовать авторы кодификационных проектов. Полная кодификация права, создание беспробельной и непротиворечивой системы права, по мнению профессора Варги, является утопичной мечтой, которая тем не менее играет решающую роль в кодификации. В рассматриваемой монографии предлагается сложная многоаспектная классификация видов кодификации, прослеживаются особенности процессов и стратегий упорядочения нормативно-правового материала в зависимости от типа правовой культуры, социальных и экономических задач, реализации которых призвана содействовать кодификация.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: кодификация, систематизация, правовая культура, система права, правовой идеал, исторические формы кодификации, идеология, правосознание.

ANTONOV M. V. CODIFICATION AS A SOCIO-HISTORICAL PHENOMENON. REVIEW OF THE BOOK: CSABA VARGA. CODIFICATION AS A SOCIO-HISTORICAL PHENOMENON. 2nd ED. BUDAPEST: SZENT ISTVAN TARSULAT, 2011. 431 p.

This article deals with the key ideas, theses, and schemes which are elaborated in the book of the Hungarian researcher Csaba Varga. The reviewed book is focused on the issues of codification. Professor Varga pays particular attention to interconnection of codification projects and the social and cultural environment in which these projects are conceived of and carried out. Even if the techniques of codification are similar or analogous, it does not guarantee identity of the reached results which constitute a combination of a number of different variables. The monograph of Csaba Varga examines these variables with a special focus on the analysis of ideals pursued by initiators of the codification projects. A total codification of law or creation of a gapless and consistent legal system is, in Professor Varga's opinion, nothing but a utopian dream which nevertheless plays a decisive role in codification. The author of the reviewed monograph proposes a complex and multifaceted classification of codification types, traces the peculiarities of processes and strategies of harmonization of legal norms depending on the types of legal culture, social and economical tasks to be achieved as a result of the codification.

KEYWORDS: codification, systematization, legal culture, system of law, legal ideal, historical forms of codification, ideology, legal consciousness.

В данной работе известный венгерский философ права, почетный профессор Будапештского университета Чаба Варга анализирует кодификацию сразу в нескольких аспектах. Судя по названию работы, первоочередное внимание венгерский исследователь обращает на социальные и исторические предпосылки и формы проявления кодификационной работы. Но содержание книги (первое издание которой вышло в свет в 1991 г., а сам манускрипт был завершён автором в первоначальной редакции ещё в 1976 г.) этим, к счастью, не исчерпывается. Наряду с типичными для марксистского теоретического правоведения экскурсами в экономическую историю с тем чтобы воссоздать единую логику («закономерности») развития историко-правовых процессов, в работе можно найти и интересные рассуждения о структуре правопорядка, о пробелах в праве, о функциях толкования права и об иных аспектах, которые обычно рассматриваются в ракурсе аналитической философии права. Сноски и примечания представляют не меньшую ценность, чем рассуждения автора в основной части работы, и обнаруживают глубочайшие знания проф. Варгой предмета исследования. Книга разделена на две большие части, в первой из которых («Исторические проявления идеи кодификации») дается обширный исторический материал с короткими комментариями автора, а во второй («Типы и развитие кодификации») — на основе этого материала Ч. Варга разворачивает перед читателем основные принципы своей теории. Книга снабжена также небольшим «Постскриптумом», где автор экстраполирует свои выводы на современные дебаты о кодификации частного права в Европейском Союзе.

Ч. Варга уделяет внимание всем сколько-нибудь значимым проектам кодификации права как в странах европейской правовой культуры, так и в других странах вплоть до середины XX в. Работа этого венгерского исследователя написана именно как историко-правовое исследование, поэтому автор не затрагивает проблематику современных процессов кодификации (за исключением «Постскриптума»). Вместе с тем нельзя не отметить, что основное внимание ученый фокусирует именно на области кодификации частного права, оставляя без внимания реформы публичного (конституционного, административного, уголовного и др.) права. В концептуальном плане Ч. Варга остается верным принципам социально-исторического анализа, развитым в работах таких венгерских мыслителей, как Г. Лукач и Б. Хорват, а также в работах немецкого социолога М. Вебера и австрийского правоведа К. Реннера. Тем самым проф. Варге удается обеспечить методологическое единство своей работы.

Претензии автора на создание универсальной теории кодификации раскрываются уже через тот широчайший спектр систем кодификации, который рассмотрен Ч. Варгой в первой части работы. Автор последовательно исследует проекты кодификации в Древнем мире, в Средневековой Европе, в европейской истории Нового времени.

После постановки вопросов и проблематики исследования в первой главе Ч. Варга склоняется к объяснению первоначального развития кодификации через призму веберовской социологии, анализируя потребности общества в централизованном аппарате управления. Авторская позиция по этому вопросу изложена во второй главе «Ранние формы кодификации:

Древность» (с. 27–45). По мнению автора, именно в результате кодификации впервые в истории в достаточно четком виде проявилась сущность права как формального способа упорядочения социальных отношений через издание письменных властных текстов, обязывающих адресатов этих текстов к определенному поведению (с. 38–39). Такую задачу позволяла достичь сначала апелляция к сверхъестественным силам, как к упорядочивающим силам природной и социальной жизни, а затем и непосредственно к человеческому разуму, как это было в истории Древнего Рима. В третьей главе «Ранние формы кодификации: Средневековье» (с. 46–70) Ч. Варга подчеркивает преемственность идей кодификации (в Западной Европе) от римского права. Заимствуя формы из римского права, средневековые кодификаторы осуществляли свою деятельность с несколько иными целями, чем римские и византийские юристы: их задачей было не выявление универсального разумного права, а просто сохранение разрозненных и случайных обычаев вне их связи с принципами естественного права, хотя основная функция (упрочение централизованной системы правовой власти) оставалась той же самой. Кодификация обычного права, нередко осуществляемая частными лицами, несла в себе внутреннее противоречие: с одной стороны, утверждались власть и авторитет обычая, а с другой стороны, в обычай истреблялись правовые принципы, которые в полной мере могли быть выявлены и последовательно закреплены только в ходе реформ со стороны центральной власти. Тем самым, по мнению Ч. Варги, кодификации обычного права в Средневековой Европе, как ни парадоксально, послужили основным фактором для последующего преодоления обычного права через законодательство в Европе Нового времени (с. 62).

После изучения ранней истории кодификации, в четвертой главе «Кодификационные тенденции в эпоху просвещенного абсолютизма» (с. 71–90) автор описывает происходившие в Европе XVIII в. масштабные правовые реформы. Ч. Варга соглашается с М. Вебером в классификации этой эпохи как времени зарождения бюрократии современного типа и пытается последовательно объяснить кодификационные проекты во Франции, в России, Пруссии, Австрии через призму потребностей власти в централизации и унификации права для широкомасштабного контроля над общественной жизнью. Автор показывает причины, почему увеличение количества правового материала неизбежно должно было привести и к качественным изменениям в праве — к последовательной рационализации права, к сведению правовых норм в форму логически организованной системы (с. 82–83). Несмотря на свою разнородность, описываемые Ч. Варгой кодификационные проекты характеризовались внутренним идеологическим единством (это единство обеспечивала идея естественного права), что, по мнению автора, позволяет считать их прямыми предшественниками современной концепции кодификации (с. 84).

Название пятой главы говорит само за себя — «Классический тип кодификации: континентальные кодексы на службе буржуазных перемен» (с. 91–142). В этой самой объемной главе первой части своей работы Ч. Варга вскрывает «внутреннюю непоследовательность» кодификационных проектов той эпохи, которые пытались «поставить дух естественного права на службу бюрократическому Молоху» (с. 123), но в то же время признает, что само по себе «требование единого права, которое было техническим условием абсолютизма в эпоху феодализма, стало частью всеобщего революционного процесса подчинения общества принципу равенства перед законом» (с. 124). При этом процессы кодификации частного права осуществлялись в разных социально-экономических условиях и преследовали

различные цели (во Франции — это революционное обновление права; в Германии — политическое единство государства; в Швейцарии — развитие демократических традиций самоуправления). Это привело к тому, что великие кодификационные проекты проявили разные характеристики: концептуальная чистота французского ГК; методологическое совершенство германского ГУ; практический прагматизм и открытость швейцарского ГУ. По убеждению Ч. Варги, кодификации этого периода истории являются неповторимыми историческими феноменами, средствами капиталистической модернизации и даже «европеизации» правовых систем Западной Европы (с. 125), которые венчали многовековое правовое развитие.

В шестой главе «Попытки кодификации: системы общего права» (с. 143–170) автор обращает внимание на то, что английское право изначально развивалось в направлении обеспечения единства права через единство судебной практики. Единообразие применения общего права королевскими судами в достаточной степени обеспечивало потребность буржуазии в стабильном и предсказуемом правовом порядке, а центральная власть вполне могла контролировать процессы создания и применения права через существующие юрисдикционные институты. Венгерский исследователь обращает особое внимание на кодификационные проекты, которые формулировались, но не реализовались (в полной мере) в странах англо-американского права — их неудача служит отличным примером взаимосвязанности кодификационных проектов с экономическими, интеллектуальными и иными факторами социальной жизни. Мечты Бентама и других английских просветителей о кодифицированном праве отражали лишь стремление к дальнейшей рационализации права, к воплощению в праве идеалов естественного права — не имея под собой реальных общественных потребностей в изменении существующей системы права, эти мечты и проекты так и остались нереализованными. Вместе с тем британское правительство проводило кодификацию в тех колониях (к примеру, Индия), где насаждение единого кодифицированного права позволяло более эффективно подчинять местные правовые практики и обычаи централизованному контролю.

В седьмой главе «Стремление к кодификации: афро-азиатские системы» (с. 171–204) Ч. Варга затрагивает малоизученный вопрос развития кодификации в странах мусульманского права и в Африке. По мнению автора, привычная для этих правовых культур малоподвижность права, которое преимущественно зиждется на религии и обычае, точно так же, как и столетия назад, не является признаком атакизма (с. 191). Экономическое и социальное развитие этих стран позволяло им в течение долгого времени пользоваться совершенно иными правовыми регуляторами, чем на Западе. И когда в развитии этих обществ встал вопрос об изменении социальных структур (под воздействием колонизации либо же в ходе соперничества с Западом — как это произошло в Османской империи), кодификация послужила здесь важнейшим инструментом социальных реформ. Ч. Варга подмечает то отличие, которое отличало кодификацию в странах Африки и Ближнего Востока от более ранней кодификации на Западе — практически полное отсутствие ссылок на правовые традиции (обычаи, нравы, религию). Это служит, по мнению исследователя, признаком радикальности проводимых в афро-азиатских системах права реформ, «полной замены правопонимания и правовой идеологии, системы источников права, техники создания и применения права» (с. 192). Кодификационные процессы органично вплетались в логику экономического и социального развития этих стран, стали «символом афро-азиатской модернизации» (с. 192), что

и объясняет живучесть, стойкость основанных на кодексах новых моделей правового регулирования (в большей или меньшей мере трансплантированных из колониальных держав) в данных странах. Вместе с тем автор подчеркивает, что кодексы дали этим странам лишь новую форму права, которая могла наполняться и в реальности наполнялась совершенно разным содержанием.

В восьмой главе «Новые амбиции в кодификации: социалистическое право» (с. 205–243) анализируется опыт советских стран по использованию кодификации в целях совершенствования правового регулирования. Автор полагает, что кодификация служила в этих странах прежде всего потребностям проведения социальных реформ, утверждению новых социальных ценностей. Если радикализм реформ в Советском Союзе потребовал слома практически всей предшествующей правовой системы, а новые кодексы играли лишь подчиненную роль в деле государственного регулирования общественными процессами (оно осуществлялось преимущественно административными мерами), то в странах Восточной Европы развитие права не испытало столь кардинальных перемен. Принятые в СССР кодексы в отличие от своих западноевропейских аналогов не были приемом юридической техники для рационального упорядочения правового материала: сначала они отражали попытки масштабных реформ социальной сферы (в годы нэпа), а затем просто являли собой отражение тех директив, которые формулировались на идеологическом уровне. Это обусловило характерные особенности советских проектов кодификации, где сама форма классификации правового материала трансформировалась и видоизменялась в зависимости от того нового содержания, которое в эти кодексы вкладывала государственная власть. В том, что касается восточноевропейских процессов кодификации, Ч. Варга подчеркивает преемственность правового развития в этих странах от прежних правовых систем. Поэтому кодификация в Венгрии, Польше и других странах не претерпела каких-либо существенных изменений в плане техники, хотя идеологические влияния не могли не внести определенной новизны в правовое развитие этих стран.

Если обратиться к теоретическим выводам автора во второй части его исследования, то здесь историк права может найти для себя весьма занятный и поучительный методический комpendиум по проблемам кодификации. Основной посылкой исследований автора является идея о наличии «социально-исторической связи» (с. 247) между различными проявлениями кодификации. Содержание и условия этой связи последовательно исследуются венгерским правоведом в концептуальном, диалектическом, типологическом и иных аспектах.

Девятая глава, с которой начинается вторая часть исследования, носит символическое название «Возможность общего понятия кодификации» (с. 247–272). С одной стороны, Ч. Варга констатирует хорошо знакомую марксистской философии права взаимосвязь между экономическим базисом и правовыми надстройками, на многочисленных исторических примерах изучая «экономические» потребности и социальный «ответ» на эти потребности в форме того или иного кодификационного проекта. С другой стороны, автор подчеркивает сложность каузальных связей в общественной жизни: «Явление кодификации никогда не является просто функцией какого-либо другого явления, а является функцией всей конкретной социально-правовой ситуации» (с. 249). С этой точки зрения Ч. Варга применительно к каждому проекту кодификации, изученному в первой части его книги, приводит множество исторических сведений о культуре,

мышлении, об экономическом строе, о психологии соответствующей эпохи. В зависимости от констелляции социальных фактов кодификация может выполнять различные функции и служить разнообразным целям, может принимать совершенно неожиданные формы. Сведение кодификации к обработке правового материала и рассмотрение ее исключительно как способа формальной организации правового содержания автор не считает допустимым, поскольку такой подход приводит к смешению кодификации и законодательной деятельности в широком смысле. Ч. Варга считает, что «кодификация как понятие с априорно заданным содержанием не существует» (с. 257), так как применительно к кодификации мы всегда имеем дело с «аморфным» понятием, зависящим от конфигурации и идеологии каждой отдельно взятой системы права (с. 256). Но это не препятствует использованию даже такого аморфного термина в качестве рабочего определения для изучения проектов унификации, модернизации, реформирования права. Условием формирования данного рабочего определения для Ч. Варги является рассмотрение кодекса как «продукта законодательной деятельности, организованного в последовательную систему» (с. 264). В этом ракурсе автор делает вывод об историческом развитии самого понятия «кодификация» — от способа формальной обработки текста к способу адаптации текста к социально-историческому контексту (с. 263 и далее). Но такое определение кодификации все еще остается слишком широким, и поэтому для более четкого обозначения концептуальных границ автор обращается к изучению содержательных характеристик, которые обнаруживаются в историческом развитии кодификации.

С этой целью в десятой главе «Рационализация как движущая сила развития кодификации» (с. 273–317) Ч. Варга пытается критически переосмыслить термины веберовской социологии «рациональность» и «рационализация» для описания и объяснения проектов кодификации. Базируясь на критике Г. Лукача в адрес М. Вебера, автор заключает, что роль кодификации не исчерпывается в формальной рационализации социальной жизни — кодексы нередко дают богатый материал и для содержательной рационализации. Но в той или иной конфигурации за идеей кодификации всегда, по убеждению Ч. Варги, стоит стремление к рационализации правового общения, а через такую рационализацию — и к переустройству (полному или частичному) социальной жизни. Поэтому для решения обозначенной в главе 9 терминологической проблемы он предлагает условно рассматривать кодификацию как попытку формальной и содержательной рационализации права в целях его упорядочения (с. 287 и далее). В этом контексте автор делает ряд оригинальных наблюдений о различных идеалах рационального упорядочивания права. Ч. Варга выделяет количественный и качественный идеалы кодификации права. В аспекте первого идеала выдвигается требование упорядочить как можно более широкие пласты права, тогда как качественный идеал требует такого упорядочивания права, которое позволит устранить несовершенства правового регулирования. А эта последняя цель далеко не всегда достижима при помощи всеобъемлющей кодификации правовой материи, когда больше внимания уделяется формулированию общих схем и принципов, а нюансы регулирования нередко остаются без внимания. Критически оценивая оба этих идеала, Ч. Варга обстоятельно демонстрирует утопичность целей большинства, если не всех известных в истории проектов кодификации, которые были направлены на решение проблем колоссальной социальной важности, но всегда достигали поставленных задач лишь частично. Оба этих идеала поочередно проявляются в истории кодификации: результат и формы

кодификации, по мнению Ч. Варги, во многом определяются именно приверженностью авторов кодификационных проектов тому или иному идеалу (с. 296–311).

В одиннадцатой главе «Типы кодификации в развитии кодификации» (с. 318–345) автор проводит анализ всех известных типологий кодификаций и предлагает свой вариант сложносоставной многофакторной классификации. Во-первых, автор исходит из того, что тип и форма кодификации не предопределяются полностью социально-экономическими условиями: «Одно и то же средство кодификации может служить более или менее адекватным выражением различных потребностей разных социально-экономических формаций» (с. 319). Поэтому для кодификационных проектов характерна «инструментальная открытость» (с. 319), которая опосредует различные варианты ответов на потребности социального развития и соответственно требует многофакторного анализа. С этих позиций автору представляются неприемлемыми формационные критерии, распространенные в советской исторической науке; да и в целом, по признанию Ч. Варги, кодификация является столь сложным историческим явлением, что его в лучшем случае можно только описать, но нельзя исчерпывающим образом классифицировать в рамках нескольких основных вариаций. Тем не менее автор считает возможным сочетать несколько способов классификации.

С точки зрения диалектики консерватизма и новаторства Ч. Варга выделяет случаи кодификации, когда (1.1) изменение в содержании права сопряжено с изменениями в форме; (1.2) сохранение содержательных аспектов права сопряжено с изменениями в форме; (1.3) изменение в содержании права не связано с изменениями в форме. С точки зрения обработки права в процессе кодификации автор выделяет: (2.1) запись права; (2.2) компиляцию права; (2.3) упорядочение права; (2.4) системную организацию права. В зависимости от изменений в структуре источников права выделяются: (3.1) реформа обычного или прецедентного права; (3.2) консолидация обычного или прецедентного права; (3.3) унификация обычного или прецедентного права; (3.4) реформа законодательства; (3.5) компиляция законодательства; (3.6) унификация законодательства; (3.7) использование кодексов как единственной формы выражения законов; (3.8) решение частных практических вопросов законодательной деятельности. В аспекте функций кодификации Ч. Варга различает (4.1) уточнение содержания правовых текстов; (4.2) техническую компиляцию правовых текстов; (4.3) компиляцию правовых текстов в реформаторских целях; (4.4) политически ангажированную компиляцию правовых текстов; (4.5) компиляцию, осуществляемую сразу с несколькими целями; (4.6) кодификацию как основной метод законодательства. В перспективе социально-политической роли кодификации можно выделять следующие ее типы: (5.1) случайную или техническую кодификацию; (5.2) кодификацию как способ удовлетворения личных амбиций; (5.3) кодификацию с целью трансплантации иностранного права; (5.4) кодификацию с целью полной смены формы и содержания права; (5.5) кодификацию как способ отрыва права от его традиционных носителей; (5.6) кодификацию как способ политико-правовой консолидации новых социальных систем. И, наконец, с точки зрения результатов кодификация может вести к (6.1) политической централизации; (6.2) расчленению политических сил; (6.3) консолидации национального права; (6.4) экспансии — экспорту или импорту права. Завершая свое описание вариантов классификации, автор еще раз подчеркивает, что каждый проект кодификации рождается в уникальной

социально-исторической среде и что не имеют смысла попытки вывести жесткие схемы и закономерности развития (с. 328).

После наброска многофакторного варианта типологии кодификаций Ч. Варга возвращается к вопросу о количественном и качественном идеалах и показывает, как в истории эти два идеала приводили к разным формам кодификации — экстенсивной и интенсивной (с. 329–333). Для экстенсивной кодификации важно собрать разрозненные нормы права в единый документ, исключив недействующие, противоречивые или повторяющиеся нормы, заполнив имеющиеся пробелы. Эта задача очень важна, но она не дает того, что способна дать только интенсивная кодификация — «организацию правовых норм в последовательную и непротиворечивую систему» (с. 329). Кодекс, который создается в результате интенсивной кодификации, представляет собой систему, где «полнота регулирования предстает в качестве концептуального требования» (с. 330) — кодекс должен быть не только совершенным текстуальным документом, но и совершенным механизмом, самодостаточным нормативным регулятором: он должен содержать в себе способы заполнения пробелов и решения коллизий между нормами. Такая интенсивная кодификация позволяет создать систему права современного типа — иерархически организованную и детально структурированную, включающую в себя такие принципы, которые хоть и не выражены напрямую, но могут путем толкования быть выведены из системы согласно правилам этой системы и применены для дальнейшего упорядочения и рационализации правового материала. Здесь мы встречаемся с высшим проявлением формальной рациональности в праве (с. 333).

Несмотря на высказанные им обоснованные возражения против выведения общих схем и закономерностей, Ч. Варга все же не удерживается от соблазна провести анализ сопряженности процессов кодификации и политического властвования. И хотя автор говорит только об «аналогиях», он достаточно уверенно констатирует «параллелизм между политическим властвованием и кодификацией права там, где кодификация воплощает собой попытку свести *ius* к издаваемому правителем *lex*» (с. 336). Такие кодификации для Ч. Варги кажутся изначально связанными с абсолютистскими тенденциями в государственном управлении, поэтому он проводит еще одну (и еще более сомнительную) параллель: отсутствие кодификационных проектов можно рассматривать как признак неразвитости центральной власти (с. 336). Автор полагает, что желание доминировать над правом, стремление государства к централизованному контролю над правом было (наряду с формальной рационализацией) второй «основной движущей силой» в историческом развитии кодификации (с. 341). Хотя венгерский исследователь и делает потом оговорку о «самоценности права» (с. 343), его рассуждения все же создают впечатление того, что право он мыслит преимущественно в инструментальной перспективе, как средство социального развития, решения экономических противоречий, достижения прагматических целей.

Завершает вторую часть работы двенадцатая глава «Кодификация в современном развитии», где автор еще раз делает акцент на дирижистской составляющей проектов кодификации: «формальная рациональность не есть цель в себе — она служит опорой для эффективности власти» (с. 347). Далее автор во вполне веберовском стиле поясняет, что двумя основными движущими силами той разновидности кодификации, которую он называет «интенсивной», были буржуазия (требовавшая для себя предсказуемого и рационального права) и абсолютистская власть (преодолевающая феодализм за счет создания рационально организованного

бюрократического аппарата): именно эти две силы и создали право в его современном облике (с. 349). Подытоживая свои рассуждения о кодификации, Ч. Варга делает семь основных выводов (с. 350–352): 1) кодификация не является исключительно функцией той или иной экономической формации; 2) мечта о таком кодексе, который включит в себя все правовые нормы, утопична; 3) рациональность права требует объективации через кодификацию; 4) кодекс есть лишь структура для упорядочивания права, но он не предопределяет содержание права; 5) кодификации доступны не все, а лишь особые участки правовой действительности; 6) кодификация оказывается продуктивной только при динамическом развитии права; 7) нельзя противопоставлять кодифицированное и прецедентное право, которые не могут по отдельности охватить всю правовую действительность и поэтому взаимно дополняют друг друга.

Работа снабжена «Постскриптумом» (с. 395–423), где автор приводит дополнительные рассуждения и материалы, которые он разработал уже после выхода в свет в 1991 г. первого издания книги. По мнению Ч. Варги, современный образ кодификации в Европе меняется под влиянием двух основных факторов — растущего скептицизма по отношению к кодифицированному праву и прагматизма современных кодификационных проектов, которые уже не имеют целью выявить писанный разум права, а стремятся сделать из кодексов гибкие и подвижные инструменты адаптации правового регулирования к социальному развитию (с. 395–400). Как подчеркивает Ч. Варга, «содержание концепции кодификации меняется на наших глазах» — от права никто уже не ждет непротиворечивости, беспробельности, четкости и понятности выражений; о современном кодексе, особенно применительно к общеевропейским интеграционным процессам, уже не говорят как о символе или способе достижения политического единства или централизованного контроля за правоприменением» (с. 420–421).

Автор анализирует возможность кодификации общеевропейского права в ракурсе значимости тех факторов социально-исторического развития, которые, по мнению венгерского исследователя, влияют на возникновение этих идей, а также акцентирует внимание на содержании этих идей. Кодификация в единой Европе, по мнению венгерского ученого, воспринимается юристами уже не как средство рационализации социальной жизни — наоборот, замена систем национального права на единое общеевропейское право неизбежно приведет к дисфункциям в правовой жизни, к утрате правом части своей предсказуемости и ясности, ранее обеспеченных правовыми традициями отдельных европейских стран. Как ни парадоксально, но разговоры об общеевропейской кодификации ведутся, как считает автор, в том же самом ключе, что и дискуссии о кодификации советского права в 20-е годы XX века — и здесь, и там акцент делается на реформаторской роли кодекса как способа реконструкции общества, создания и внедрения новых социальных ценностей. Кодекс уже не рассматривается как выражение последовательности и ясности концептуальных схем и институтов, он не связывается с надеждами на создание инструмента беспробельного регулирования — кодификация представляется как «ползущий» (*creeping*) процесс адаптации правового материала к меняющимся социальным ценностям (с. 402–407). В этом аспекте вопрос о кодификации превращается в вопрос об унификации ценностей, взглядов, принципов, стилей мышления, практик — всего того, что входит в понятие правовой культуры, или, как выражается автор, «этоса права» (с. 408 и далее). Особенно характерны в данном отношении процессы конвергенции романо-германского и английского права.

В целом, историко-правовое исследование Ч. Варги остается наиболее полным и масштабным проектом изучения истории кодификации в мировой науке. Возможно, не всегда можно согласиться с марксистской или веберовской перспективами понимания автором роли права в социальной жизни. Также остается неохваченным весь спектр кодификационных проектов, которые не касались частного права: с этой точки зрения выводы профессора Варги распространяются только на часть кодификационного развития, хотя сформулированы они с претензией на всеобъемлющий характер. Остается надеяться, что в ближайшее время мы увидим еще одно издание этой замечательной книги, где автор уделит больше внимания кодификации в публично-правовой сфере.

Антонов Михаил Валерьевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории
права и государства юридического факультета
НИУ «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)

Antonov Mikhail Valerievich ,
candidate of legal sciences, associate professor
of the Department of Theory and History
of State and Law, Law Faculty
of the National Research University
“The Higher School of Economics” (St. Petersburg)

© Антонов М. В., 2013
E-mail: mich.antonov@gmail.com